

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ Илия ЧАВЧАВАДЗЕ (1837–1907)

В 1987 году Священный Синод Грузинской Православной Церкви совершил деяние, каких давно уже не помнили – почти с тех самых пор, как в 1801 году Грузинская Церковь насильственно была лишена независимости. Потом, с 1921 года, хоть и самостоятельная, но подвергавшаяся яростному гонению, загнанная в своего рода гетто, – она как будто не имела духа, чтобы приступить к такого рода деяниям.

И только в 1987 году совершена была первая за почти полторы сотни лет канонизация.

И первым, кого очнувшаяся, как после тяжелой болезни, Церковь причислила к лику своих святых, был не монах-подвижник, не церковный иерарх,

но мирской человек, писатель, поэт, журналист, банкир, член Госсовета Российской империи князь Илия Чавчавадзе.

И однако Церковь не могла сделать лучшего выбора. Потому что за все это время не было в Грузии человека, большего, чем он. Все многочисленные виды его деятельности, часть которых мы перечислили выше, были лишь проявлениями его призвания, его духовного помазания: быть отцом нации, попечителем о нуждах народа – духовных, материальных, социальных, национальных, насколько это было возможно для частного человека. При этом он был верным сыном Церкви и видел в христианстве и Церкви единственное спасение для своего народа. В довершение своего жизненного подвига он закончил мученически свою жизнь, приняв смерть в 1907 году от руки террористов-революционеров. Один из его убийц, ускользнувший от царского суда, до 1940 года получал пенсию от Советской власти, а затем, по-видимому, сгинул в застенках НКВД. Я знал людей, которые были лично знакомы с убийцей Илии Чавчавадзе. Рассказывали, что этот несчастный ходил по инстанциям, требуя прибавки к своей персональной пенсии. «*Я ведь самого Илью убил!*», – обосновывал он свое требование.

Художественное творчество святого праведного Илии, его проза и поэзия были подлинно христианскими. Одной из вершин его творчества и вообще грузинской литературы является поэма

«Отшельник».

Поэма («легенда» – как ее обозначил автор) открывается величественной картиной древнего монастыря, вырубленного в незапамятные времена высоко в скалах, там, где никогда не тают льды и куда не долетают орлы. Этот монастырь народ и по сей день называет Бетлемом (Вифлеемом), – пишет поэт.

Некогда здесь звучали славословия Богу, но потом подвизавшиеся на этом месте монахи один за другим покинули мир сей, и монастырь постепенно пришел в запустение. Осталась только слава о святости этого места среди горцев. Настолько, что даже охотник не дерзал тронуть зверя, укрывшегося в одной из здешних пещер.

Эта величественная и печальная картина заброшенного монастыря по-видимому была для Илии Чавчавадзе образом оскудения духовных и материальных сил его народа.

В этом заброшенном монастыре поселился некий отшельник, ради мира иного оставивший мир сей и удалившийся от него, от этого жилища, пристанища греха, этого царства зла, где, – как пишет поэт, – *«грех преследует человека день и ночь, как вор и грабитель; где праведник не избежит дьявольских искушений; где правду превращает в неправду рука греха; где брат радуется пролитию братской крови, где всякий талант – это соблазн, где сама красота и нежность – это дьявольская сеть и искушение».*

Поселившись здесь, отшельник молитвою, плачем, утеснением плоти очистил себя от всякой нечистой мысли, измучил плоть свою ради души. Здесь, в этих подвигах расцвел его дух.

Он не был стар, но духовная высота уже отметила его облик, украсила его благодатью святости, и выражение его глаз было столь мирным и сладостным, будто они уже созерцали отверстые врата рая. Господь принял, как жертву, его страдания, Бог услышал его молитвы, – пишет поэт, – и послал ему некое чудо, как знак Своего благоволения.

Рассказ об этом чуде является одним из самых, на наш взгляд, волнующих мест поэмы. В темной келье этого отшельника было окошечко с солнечной стороны, и когда над вершиной горы всходило солнце и освещало окрестности, луч его проникал, как яркий столп, в келью подвижника, и тот полагал на этот луч свой молитвенник, и бестелесный этот луч удерживал книгу на себе.

«Так проходили дни и годы, – пишет поэт. – Так непорочно жил он. И святость свою каждый день он поверял этим чудом».

Но однажды случилась в горах ночью страшная непогода. Гром, молнии, град. Отшельник, слыша и видя эту непогоду, горячо молился о спасении мира от гибели.

Вдруг среди шума непогоды он слышит чей-то голос, кто-то дергает цепь двери. Со страхом думая, не дьявольское ли это привидение, пускает он гостя

в свою келью. Это оказывается молодая пастушка, застигнутая непогодой и потерявшая свое стадо. Она просит пристанища на ночь, чтобы, переждав непогоду, пойти искать своих овец. Поэт с большой любовью описывает красоту этой пастушки, как бы глядя на нее глазами отшельника. Но недаром он среди причин, заставивших бежать подвижника от мира, называл и ту, что здесь даже красота и нежность – это дьявольская сеть и соблазн.

Отогревшись, пастушка вступает в беседу с отшельником. Она давно знает от людей, что в этих страшных местах живет какой-то человек, и всегда удивлялась, зачем человеку подвергать себя таким страданиям, зачем бежать от людей и прекрасного Божьего мира. С тем особым вдохновенным красноречием, с которым люди мира сего протестуют против удаления от мира, и молодая пастушка засыпает отшельника вопросами: какая польза душе от его пребывания здесь, разве Богу угоден отказ от созданного Им прекрасного мира, от родства, от любви, от тех радостей, которые Сам Господь даровал человеку?

Отшельник внешне спокойно парирует эту атаку прекрасной пастушки, говоря, что слаще всего этого душа, что она – пленница мира сего преходящего, и все, о чем говорит, – цепи этого мира.

– Так значит, все мы, живущие в мире, погибнем? – опять слышим мы многим, наверное, знакомый протест.

«Нет, спасение есть везде, – отвечает отшель-

ник, и как бы предупреждая новый вопрос своей собеседницы, продолжает, – *но мне такой достался путь спасения. Мне, несчастному*», – неожиданно вырывается у него.

Последнее вырвавшееся у него слово потрясает его самого. Он осознает, что это жалоба, ропот, измена Богу, даровавшему ему здесь, в этом мрачном мире, неизъяснимые духовные радости. Как мог он так оскорбить Бога?

Он смотрит вокруг себя, будто ищет врага, соблаздившего его, но никого нет, кроме уснувшей в углу кельи молодой пастушки. Отшельник рассматривает ее, и ее невинная молодая красота утишает бурю, поднявшуюся в его душе. Некая новая радость пробуждается в нем. «*Что это, – спрашивает себя отшельник. – Если это грех, то почему так похож он на бессмертную радость, обещанную душе?*»

Но вслед за этой, как будто небесной радостью, он чувствует явственный укол плотской страсти. Он приходит в себя, начинает осознавать, в какой находится опасности. Начинается борьба в душе подвижника. Нет, он не отвергнет полученную им благодать, и душу, уже избранную Богом, не уступит плоти, плоти, которую он одолел столь долгим подвигом и страданием. И вдруг он слышит некий голос, говорящий в его душе: «Я тебя одолел». Отшельник кидается к иконе Божьей Матери, чтобы с Ее помощью победить врага, но, подняв глаза, вместо Богородицы, видит лицо молодой

пастушки. Он слышит хохот, разносящийся по его келье, и, не выдержав напряжения, выбегает вон.

Наступает рассвет. Он застаёт отшельника, в бессилии бродящего в горах. Бледный, со спутанными волосами, он жадным взором смотрит на ту вершину, поднявшись из-за которой солнце освещало его келью. Наконец показывается солнце, и отшельник возвращается в свою келью. У него отлегло от сердца... Вновь с упованием смотрит он на образ Пресвятой Богородицы, и видится ему, что Она смотрит на него утешающим взглядом. Значит, Бог еще не отверг его. Тогда он со слезами благодарности берет молитвенник, чтобы привычно опереть его на солнечный луч.

Но тут разражается трагический финал поэмы: луч не удержал молитвенника, и при виде этого, отшельника охватило невыносимое смятение, он страшным голосом взревел к Богу и тут же под лучом испустил дух.

«И теперь, – заключает поэму Илия Чавчавадзе, – там, где некогда святые славили Бога Суда и Истины, где приносили Богу жертву хвалы и воскликновения, там среди развалин и руин только ветер ходит и шумит, воеет напуганный громом зверь, нашедший здесь приют».

В этом творении Илии Чавчавадзе удивляет ясное видение того, насколько бескомпромиссна борьба на высотах духа, на высших ступенях аскетического подвижничества. Пугающая суровость, даже безжалостность сродни здесь духу ана-

логичных страниц Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и других великих христианских аскетов.

Но как мог быть носителем этого духа, этого сознания светский человек, полностью погруженный в дела мира сего – барин, общественный деятель, журналист, – это представляется загадкой, тем чудом, которое способен творить только Бог, дивный во святых Своих Бог Израилев.

